

Гендерные исследования

Содержание

Введение	8
Новые женщины, феминизм и революционная Россия	12
Зов революционной России	15
Революционный туризм, политические паломники и советские методы гостеприимства	20
Новые мужчины и новые женщины	26
Красные возвращаются	30
Новые женщины и «новая мораль»	32
Что значит быть новой женщиной	38
Страдание, насилие и утопическое сознание	40
Жестокий оптимизм	43
<i>Часть I. Нежные революционерки и спасительницы детей</i>	<i>46</i>
Глава 1. Мечты в красном:	
Реформаторы, бунтари и «бабушка»-революционерка	50
Нежные революционерки	51
Бабушка и друзья русской свободы	53
Бабушка на гастролях	60
Роман с Россией	69
«Сколь узким показался дамский круг»:	
Бабушка и революция	75
Благая весть революции	80
Глава 2. Спасители детей и дети-спасители	86
Суфражистки в Стране Советов	91
«Дети для нас—это всегда дети»	95
Квакеры и феминистки	102
Продовольствие как оружие: АРА, голод и Друзья	111

«Я расскажу об этом иначе»: пропагандистский трюк Анны Луизы Стронг	112
«Единое понимание цели»: Джессика Смит и АКДСО	121
Поволжские дети Стронг	130
Развязка	141

Часть II. Жизнь и работа в новой России:

<i>От Кузбасса до Москвы</i>	146
--	-----

Глава 3. «Новая Пенсильвания»:

Поиски своего дома в Сибири	154
---------------------------------------	-----

Глава 4. «Взгляды, прикованные к России»:

Репортерши из Moscow News	195
Анна Луиза Стронг и традиция женской журналистики в Советской России	197
У истоков Moscow News	201
Пропагандисты-скептики	207
Любовь, работа, свобода... и Дядя Джо	222
Автобиография, самокритика и коммунизм	235

Глава 5. Революция в танце

Айседора Дункан и революционная душа	242
Айседора, «пляска» и русский Серебряный век	244
Дункан в большевистской России	247
Советские измерения американского движения революционного танца	258
Новая танцовщица будущего	262
Физическая культура и «Новый советский танец»	272

Часть III. Зрелищная революция

Глава 6. «Черные и белые» — и желтые — среди красных:

Расовые игры в России	285
Выступления афроамериканцев в России и Советском Союзе	288
От «негритянского вопроса» до суда в Скоттсборо: советский антирасизм в действии	297

«Черные и белые»: подготовка к съемкам и их отмена	302
Веселая жизнь в Москве	305
Фильм и отмена съемок	311
Свидетели перемен в советской Средней Азии	315
Снова в Москве: танцы, любовь и цирк	320
<i>Часть IV. Испытания, мытарства и борьба</i>	<i>327</i>
Глава 7. Героини и еретички на русском фронте	339
Женщины, шаткие альянсы и пропаганда военного времени	343
Отважные женщины и дети	354
Пропаганда, ложь и тонкая грань между чувствами и сентиментальностью	362
Бурк-Уайт и Хеллман в зоне боевых действий	365
Сталин(изм), патриотизм и вероломство	369
Эпилог. Королевы красного шпионажа?	378
Благодарности	392
Список сокращений	398
Примечания	399
Указатель имен	437

Введение

Весной 1932 года «американки в красной России» вдруг привлекли всеобщее внимание:

Москву заполнили американки, вооруженные губной помадой и зубной щеткой, пылающие неутолимой страстью ко всему странному и будоражащему. В красную столицу съехалось больше двухсот элегантных и умных молодых женщин: одни помогают строить социализм, другие ищут себе мужей среди холостых американских инженеров или романтических русских, всегда готовых отдать должное американской красоте. Стенографистки, медсестры, танцовщицы, художницы, учительницы, скульпторши и писательницы — все они серьезно решили влиться в новую жизнь, развивающуюся здесь очень быстро. Полин Эммет — высокая, крепкая девушка из Иллинойса — бежала от светской круговерти в советскую страну и выпускает там журнал для американских рабочих, а когда ее зовут на субботники, смело берется за кирку и лопату. Фэй Джиллис, бруклинская авиаторша, надеется летать на советских самолетах. Женя Марлинг, танцовщица-босоножка и чудачка-сыроедка из Лос-Анджелеса, приехала в Москву для создания международного театра. Эти бойкие, стройные девушки с живыми глазами расхаживают в ярких американских нарядах, которые очень выделяются в советской толпе, одетой в нечто бесформенное и унылое¹.

Это легкомысленное описание — выдержка из газетной статьи 1932 года. Написала ее Милли Беннет, разведенная журналистка из Сан-Франциско, одна из множества американок, которых в начале 1930-х годов потянуло в Советский Союз. К тому времени Беннет уже провела в СССР около двух лет в качестве сотрудницы *Moscow News* — первой в Советском Союзе англоязычной

газеты, основанной в 1930 году журналисткой Анной Луизой Стронг. И Беннет, и женщины, которых она описывает здесь, принадлежали к ныне забытой группе энтузиасток.

О том, что в начале XX века многие американки стремились попасть в Москву, сегодня почти не помнят. «Потерянное поколение» американцев, хлынувших в 1920-х годах в Париж, обросло легендами, но мало кто знает о том, что уже вскоре тысячи американцев — в том числе бывшие парижские экспаты — ринулись в «красный Иерусалим»*. Еще меньше людей знает об особой притягательности «красной России» для «американских девушек» — точнее говоря, для независимых, образованных и отважных «новых женщин». Страна, которая хотя бы на словах ставила во главу угла не извлечение личной выгоды, а общественное благо, уже внушала огромную надежду многим американцам (и вообще жителям Запада) — из тех, кто задумывался о пагубности социума, основа которого — промышленный капитализм². И хотя многие американцы отнеслись к известию о большевистской революции с настороженностью и даже страхом, некоторые активисты, идеалисты и влиятельные культурные деятели, в том числе феминистки, восприняли эту новость совершенно иначе.

Даже спустя десятилетия после окончания холодной войны было по-прежнему трудно примириться со вспыхнувшим в 1920–1930-е годы почти повсеместным интересом к Советскому Союзу среди реформаторов, интеллектуалов и представителей художественного авангарда. Мы успели позабыть и о дерзновенном духе новой женщины, и о тогдашнем широчайшем интересе к «советскому эксперименту».

Помимо полчищ безымянных «американских девушек», давно преданных забвению, революционная Россия притягивала к себе многих выдающихся американок, среди которых были пламенные ораторы и защитницы идеи свободной любви — например, Эмма Гольдман, вдохновлявшаяся, по ее собственным словам, примерами отважных русских женщин, готовых жертвовать жизнью ради борьбы с царской тиранией и отвергавших

* Выражение «красный Иерусалим» взято из статьи Рут Кеннелл и Милли Беннет «Все они едут в Москву»: *They All Come to Moscow // American Mercury*. 1931. Dec. P. 394.

привычную мораль — «отказывавшихся от брака и живших в полной свободе». Россия привлекала прогрессивных реформаторов и организаторов благотворительных учреждений. Среди них Лиллиан Уолд, чей дом помощи на Генри-стрит — заведение в шумном нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде — в годы перед Октябрьским переворотом стал пристанищем для множества русских изгнанников и сторонников революции. Россия притягивала суфражисток вроде Элис Стоун Блэкуэлл и Кристал Истман, которые с оглядкой на русские примеры разрабатывали новые революционные подходы к женским гражданским правам и обязанностям. Она манила танцовщиц: Айседору Дункан, которая приехала в Советскую Россию в 1921 году, на закате своей карьеры, и пробыла там достаточно долго — так что успела основать собственную школу танца и выйти замуж за знаменитого русского поэта-пьяницу. А еще — Полин Конер, посетившую Россию пятнадцатью годами позже, чтобы «довершить то, что начала Дункан». В 1934 году в Москву приехала афроамериканская актриса Фрэнсис Э. Уильямс, искавшая работу, приключения и возможность узнать на своем опыте, как живется в стране, будто бы искоренившей расизм. А фотограф Маргарет Бурк-Уайт приехала в Россию в 1930 году (и возвращалась потом снова и снова), объясняя это тем, что «в России что-то происходит, и происходит с ошеломительной быстротой... Усилия 150 миллионов людей — нечто невероятное, подобного чему не знала история»³. Эти и многие другие женщины ехали в «новую Россию» или посвящали ей годы жизни, оставаясь далеко. Еще до большевистской революции женщины в Соединенных Штатах присматривались к России в поисках образцов для подражания.

Начиная с конца XIX века новая женщина — с высокой прической, решительными манерами, нацеленностью на оплачиваемую или творческую работу, общественные реформы или стремлением добиться, например, свободы слова или свободной любви — стала узнаваемым явлением и в реальности, и в искусстве, и в рекламе. Этот типаж олицетворял перспективы и опасности современного мира. Вплоть до окончания Второй мировой войны Россия и Советский Союз вдохновляли «новых американок» на перемены в самих себе, обществе

и на достижение возможностей, которым предстояло открыться в будущем. В свой черед, такие женщины играли значительную роль в формировании образа России в глазах своих соотечественниц.

Эта глава в истории американских женщин проливает свет на темы, важные для западной феминистской мысли, для представлений о гражданских правах и обязанностях, о материнстве, любви, работе, творчестве, воспитании детей, сексе и дружбе, а также о классовой системе, справедливости и идеальном обществе. Американкам, которых влекло в Россию, хотелось стать свидетельницами или даже участницами самых захватывающих событий на мировой сцене. А еще они надеялись на то, что наступит новая эпоха возможностей: женщины обретут не просто политические права и экономическую независимость, но и равенство в любовных союзах, будут наравне с мужчинами строить новый мир и бесклассовое общество, где культура, образование и общественное благополучие будут цениться выше, чем барыши и нажива⁴.

История взаимоотношений нового поколения американок и новой России оказалась в равной мере и забыта, и намеренно вытеснена из сознания. После того как ужасы сталинской эпохи стало невозможно отрицать, и саму романтику революционной России, и утопические фантазии, оживлявшие эту романтику, объявили наивными, неразумными, досадными и даже опасными. Американский журналист Юджин Лайонс в книге «Командировка в утопию» описывал глупеньких иностранок, становившихся легкой мишенью советской пропаганды:

Школьные учительницы-девственницы и сексуально озабоченные жены сближались с народными массами, особенно с их мужской частью, и некоторые так впечатлялись потенцией большевистских идей, что снова и снова продлевали визы. Кое-кто из них писал потом визгливые книжки о Советском Союзе—о его «новой раскованности», о равенстве полов, об абортариях⁵.

Для Лайонса описания западных женщин, которых он наблюдал в Москве, служили прежде всего средством огульно осудить всех тех, кого пленяла романтика «красной России».